

ОЧЕРКИ ПО ПРЕДЫСТОРИИ И ИСТОРИИ СЕМИОТИКИ

Предисловие	605
<i>Часть первая.</i> На заре изучения знаков	606
Глава 1. Миф об именах и их создателе	606
Глава 2. Действо имени и табу слов	611
Глава 3. Теория анаграмм в индоевропейском стихе	617
<i>Часть вторая.</i> Современная семиотика и ее история	628
Глава 4. Происхождение, история и значение термина «семиотика»	628
Греческие и индоевропейские истоки	629
Рождение науки и ее границы: философская семиотика и логика	634
Семиотика или сигнифика и семиология: возможна ли единая теория знаков?	641
Глава 5. Семиотика в России: общий очерк	646
Глава 6. Священник Павел Флоренский: символический взгляд ...	706
Глава 7. О Бахтине и семиотике.	740
Глава 8. Путь Л. С. Выготского к семиотической теории культуры ..	747
Глава 9. Е. Д. Поливанов: от слова к знаку	755
Глава 10. Роман Якобсон и теория знаков	769
Глава 11. Символ в культуре и жизни личности: Сепир	777
Глава 12. Этнология и семиотика: Хокарт	782
Глава 13. Семиотика на рубеже веков: Леви-Стросс	787
Эпилог	792
Литература и сокращения	793
 Список трудов Вяч. Вс. Иванова	 813
Список иллюстраций	910

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий (первый) том избранных сочинений входят обновленные и переработанные тексты четырех моих работ, написанных на достаточно удаленные друг от друга темы и в разное время, но объединяемых общей мировоззренческой установкой, которая делала их издание при прежних цензурных условиях трудным или невозможным.

Относительно более легкой в этом смысле поначалу (но не потом!) была судьба книги о функциональной асимметрии мозга, близнецных мифологиях и диалогической речи, в первом издании (1978) названной «Чет и нечет». Как и многие другие научные начинания тех лет, появление книги в печати оказалось возможным благодаря поддержке адмирала в отставке А. И. Берга, возглавлявшего академический Научный Совет по кибернетике. На семинарах и конференциях, устраивавшихся под эгидой этого Совета, я прочитал несколько докладов на тему книги. Редактор издательства «Советское радио» Н. А. Иванушко, присутствовавший на одном из них, предложил мне написать книгу. Я это охотно сделал, и он успел помочь мне в прохождении книги через издательство, включив ее в задуманную им кибернетическую серию, предисловие к которой написал Берг. Вскоре доброжелательному редактору пришлось уйти из издательства, и в последующие годы, характеризовавшиеся вспышкой редакционно-цензурного гнета перед концом режима, попытка переиздать ее наткнулась на сопротивление философов, обвинивших меня во всех возможных идеологических грехах. Существенно дополненный и измененный по сравнению с первым изданием вариант текста так и не увидел света по-русски: его пока можно было прочесть только в латышском переводе (немецкое, венгерское и японское издания сделаны на основе первоначального варианта).

Для настоящего издания я дополнительно изменил текст, сократив части, содержавшие популяризацию таких научных идей, которые могут быть известны читателю, и вместе с тем устранив вызывавшиеся цензурными условиями элементы эзотерического языка, понятного посвященным. За счет этого оказалось возможным существенно расширить части, содержащие более новые экспериментальные данные и иногда достаточно дискуссионные точки зрения. Более подробные сведения о содержании книги и научном пути автора читатель найдет в подробном Предварении к ней.

Книга об эстетических теориях Эйзенштейна столкнулась в свое время со значительно большими трудностями. Первый ее вариант, написанный по предложению редакции эстетики (тогда сравнительно свободомыслящей) московского издательства «Искусство» был окончен в 1969 г., второй, значительно сокращенный и переделанный, — в 1972 г. Но ни тот, ни другой не оказалось возможным тогда издать в Советском Союзе. Официальные философы (один из которых, династическим браком связанный с советской верхушкой, стал к тому времени директором издательства) не желали допустить изложения подлинных мыслей Эйзенштейна. А официальные специалисты по Эйзенштейну не хотели (или боялись) издания работы, построенной в большой степени на неизданных его сочинениях. Тогда мне удалось только часть выводов, к которым я пришел, изложить в двух главах моей книги «Очерки по истории семиотики в СССР». И подчеркнуто специальное название этой книги, и вынесенные на титульную страницу названия научных учреждений (в том числе того же Совета по кибернетике), согласившихся дать для книги свое прикрытие, и самый сугубо специальный стиль ее — все это было нужно для того, чтобы мой опыт истории науки о знаках — в Москве тогда полузапретной и скорее дозволенной в качестве тартуского импорта — миновал все подстерегавшие ее препятствия. А их было много. Расскажу только об одном.

Рукопись книги по истории семиотики была уже готова к печати и прочитана издательским редактором. Это была интеллигентная женщина, которая, как многие интеллигенты, служившие в советских учреждениях, была испугана и просила меня изменить некоторые места, казавшиеся ей особенно опасными. Обычно речь шла о замене одного слова или целого оборота другим, менее понятным для высшего начальства и цензора. Но в очередную утреннюю встречу я нашел эту женщину бледной от страха. На мой вопрос о том, что случилось, она мне рассказала в полном отчаянии, что назначен новый главный редактор издательства «Наука», т. е. верховный начальник всей той иерархической структуры, на нижних этажах которой находилась моя перепуганная собеседница. Этот новый начальник до того был полковником в Министерстве внутренних дел и занимался пограничной охраной. Реакция моего редактора на это назначение может теперь показаться неожиданной. Перед ней лежал список всех тех мест, где в книге упоминается тогда еще в России не разрешенный Фрейд, оказавший большое влияние на Эйзенштейна и на его друзей-психологов: Выготского и Лурия. Я запомнил цифру, ее испугавшую: фамилия, которая могла бы вызвать гнев полковника-пограничника, встречалась на 17 разных страницах! Редактор была либеральна и предложила мне замены: в одном случае можно было говорить о психоанализе, в другом — о современной психологии. Мы провели полдня в этих стилистических упражнениях. Фрейд в тот раз перешел советскую границу не в 17 местах книги, а всего в десяти!

Все те годы, что прошли после издания книги, я продолжал заниматься Эйзенштейном, читая многое, что о нем пишется во всем мире, а когда предоставлялась возможность, и заглядывая снова в его архивные материалы. Количество папок, ему посвященных, у меня дома стало соперничать с богатством его собственного неизданного (и только теперь медленно достигающего печати) наследия. Одной из главных задач при подготовке настоящего издания был отбор и сокращение ранее написанного. Читателю предлагается по сути только введение в тему, которая может быть раскрыта полностью в много-томном исследовании. В отличие от первого издания в «Очерках из предыстории и истории семиотики» глав об Эйзенштейне нет.

Мои многолетние занятия историей семиотики в древности, в последние полтора века в России и в Европе и в Америке представлены в новом варианте «Очерков» тоже лишь в извлечениях. Но при всей краткости и выборочном характере тем и авторов, которых я касаюсь, я чувствовал себя все же вправе самым отбором показать те предпочтения, которые многим кажутся вполне субъективными.

По времени написания (1981 г.) и по стилю четвертая работа, входящая в книгу, отличается от предыдущих. Она писалась в основной части, посвященной главным образом одному стихотворению Пастернака, как эссе, не рассчитанное на публикацию в то время (это и оказалось невозможным). Поэтому я в наименьшей степени должен был менять его вольный стиль, готовя теперь книгу к печати. Я лишь соединил основной текст книги о стихотворении «Бабочка-буря» с написанными позднее эссе, тематически с ним связанными.

Если третье из предлагаемых в этом томе сочинений представляет собой опыт краткого вступления к изучению человеческой духовной деятельности вообще, а история таких исследований обзревается в последнем (четвертом), то во втором из них те же мысли развиты на основе рассмотрения взглядов на искусство и творческую практику одного из наиболее одаренных художников первой половины века, а первое представляет попытку проникнуть в поэтику великого поэта того же времени. Хотя Эйзенштейн и Пастернак на каких-то отрезках своего пути пересекались (оба были изначально членами ЛЕФа, оба с ним порвали, оба находились в 1930–1940-х годах в сложных и менявшихся отношениях с режимом Сталина, то их признававшего, то начинавшего преследовать), я был занят не столько этим общим для них историко-культурным контекстом, сколько некоторыми принципами, касающимися искусства в целом. Духовная деятельность с точки зрения ее знакового или символического характера описывается в очерках из истории семиотики. Поэтому все четыре текста, собранные в книге, можно читать и как четыре главы одного исследования.

Перечитав все четыре текста, я сам убедился в их взаимосвязанности, сказывающейся, в частности, в обращении в разных сочинениях к одним и тем же научным героям (скажем, Выготскому, Флоренскому, Бахтину) и ко взглядам этих ученых, а также и к некоторым другим излюбленным темам занятий автора (например, к мифу о ра-

зорителе орлиных гнезд). Мне представилось, что краткое упоминание в одном тексте того, что позднее подробнее изложено в другом, прояснит логику изложения. Поэтому я не стал сокращать эти кажущиеся повторения, добавив только в некоторых местах (но не везде, чтобы не слишком утяжелять повествование) перекрестные отсылки. Как мне кажется, эти повторы создают внутреннюю структуру всего тома, сообщая ему драматизм (быть может и трагизм) исторического свидетельства. Так, во втором из вошедших в книгу трудов я обращаю внимание на общность вкусов и настроений времени, объясняющую переключку многих конкретных эстетических наблюдений и замечаний Эйзенштейна и Флоренского при всем диаметрально противоположном их мировоззрении и различии судеб, а в Предварении к третьему упоминаю рассказ о встрече моего отца с Флоренским, в четвертом же говорю о трагическом конце Флоренского и его вкладе в науку. Хотя задачей каждого из сочинений в отдельности не был контрапункт, связывающий и вместе с тем контрастно противопоставляющий авангардного режиссера-богоборца, рано умершего в ожидании ареста или смерти от руки агента властей, и священника-ученого, расстрелянного в разгар сталинского террора, читатель сам увидит сценарий, выстраивающийся из соположения их биографий. Сюжетный узор тома предопределен эпохой, летописцем которой я становлюсь подчас даже поневоле.

В библиографии моих работ, прилагаемой к книге, заинтересовавшийся читатель может найти сведения для дальнейшего чтения.

Указатели к данному тому (именной, предметный, лингвистический и названий произведений) будут помещены в конце второго тома.

27 июля 1997 г. — 20 июня 1998 г., Москва

**РАЗЫСКАНИЯ
О ПОЭТИКЕ ПАСТЕРНАКА
ОТ БУРИ К БАБОЧКЕ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная часть предлагаемого вниманию читателей текста написана осенью 1981 г. на протяжении нескольких недель, когда со мной не расставалось то, что в старину бы назвали вдохновением. Я не мог остановиться. В каком-то смысле все это сочинение написано залпом или выпалено, как по другому поводу выразился сам Пастернак. Я любил и знал наизусть его стихи с юности, много говорил о них с ним самим, читал их вслух, пробовал их разобрать по-научному или объяснить. А здесь что-то по поводу Пастернака на меня нашло, я должен был выписаться или выговориться. Потом, когда этот порыв прошел, я стал читать получившееся нескольким друзьям. Среди тех, кого уже нет, назову Эйснера, одаренного поэта, начавшего писать еще в эмиграции, а после возвращения в Россию хлебнувшего горя. Он наговорил мне много хорошего о том, что услышал. Среди меня поддержавших и помогавшего советами с самого начала был и Е. Б. Пастернак, не только послушавший вместе с женой и с другими гостями отрывок из тогда еще писавшегося моего сочинения на одном званом вечере у себя дома, но и внимательно потом прочитавший машинопись первого варианта текста и уснастивший поля заметками, напоминавшими внешним видом почерк его отца. Одно из наиболее свободных и открытых всему новому культурных учреждений тогдашней Москвы — Музей изобразительных искусств имени Пушкина устроил мой доклад на тему этого сочинения в день, близкий к дню рождения Пастернака — 11 февраля 1981 г. Одобрение первых слушателей и читателей меня обнадежило, и я дал рукопись в те тогдашние издания, главным образом провинциальные, которые вызывались ее печатать. Но ни одно из них не только не сделало этого, но и не вернуло мне машинописных копий. Единственная остававшаяся у меня рукопись залегла среди многих других и долго не попадалась мне на глаза. Наступившие спустя несколько лет новые времена означили множество дел и обязанностей и в России, и в других странах, и мне было не до того, что я писал раньше. Когда наконец я разыскал старый текст и перечитал его, я понял, что за прошедшие 16 лет сам я уже переменялся и не могу просто исправлять его, как это было бы возможно по свежим следам. То, что я помню и думаю о Пастернаке сейчас, я или уже успел изложить или собираюсь написать в

статьях, внешне выглядящих куда академичнее, обставленных подробными примечаниями и длинной библиографией (в такие статьи иногда частично входит и то, о чем в другом ключе я говорю здесь), или же в воспоминаниях, написанных в соответствующем прозаическом жанре. А это сочинение писалось по-иному, и мне показалось нужным оставить его таким, каким оно выросло, добавив кое-где отсылки к написанному мной позже. Какие-то уточнения и исправления появились в нем так же естественно, как весь основной текст, прошедшие со времени написания годы отложились сами, почти без моего участия. Если я и менял в нем что-то сознательно, то потому, что открылись новые факты или документы, которые прямо связаны с моими прежними наблюдениями. Что же касается многочисленных новых исследований о Пастернаке, я касаюсь их только в той мере, в какой их авторы прямо забрели в ту область, которая мне самому открылась с такой ясностью в те осенние дни, когда писался этот текст.

Лос Анджелес 10 мая 1997 г.